

16+

Ирина Верехтина
ИСЧЕЗНУВШИЕ

Маленькая повесть

Ирина Верехтина
Исчезнувшие

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Верехтина И.

Исчезнувшие / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Группа туристов-любителей растворилась в подмосковных лесах и исчезла, словно её и не было. Молодые, красивые, сильные, они могли бы жить, могли быть счастливы. Собственно, они и были счастливы, найдя друг друга, и им было хорошо вместе. Они исчезали по одному. Не появлялись в группе, не отвечали на звонки. Походных групп много: не приходят, значит выбрали другую. Жалко, конечно, но - вольному воля. О страшной правде никто не догадывался... В оформлении обложки использовано фото автора.

Содержание

Часть 1	5
Васька-гитлер, Дима-Лось и другие	5
Спринт-старт	7
На природе	9
Что ж вы одни-то?	10
Часть 2	11
Георгий Гордеев	11
Великолепная восьмёрка	12
Из дневника Нади Рыбальченко	14
Не столь радостно	15
Часть 3	17
Отщепенец	17
Свои	19
Часть 4	21
Голубиная душа	21
Салат эскарриол	23
Часть 5	24
В любую погоду	24
Сезонные яблоки	25
Соболята	26
Позитивно	27
Часть 6	29
Галя	29
Слёзы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Часть 1

Васька-гитлер, Дима-Лось и другие

Маршрут Донино – Синеозеро, 25 км, с Казанской железной дороги на Курскую, тип похода оздоровительный, – маршрут был интересным и собрал человек сорок. Выйдя из поезда и не обнаружив руководителя, половина уехала обратно. Другая половина уезжать не хотела, скептически смотрела вслед уходящей электричке и переминалась с ноги на ногу.

– Не хочется домой возвращаться, – озвучила общую мысль женщина спортивно-неопределённого возраста. – Я на озёра хотела посмотреть, на маршруте озёра объявлены.

– А чего на них смотреть? – поддержал-возразил парень со смешными усиками. – Я в них купаться собирался. А чего? В озёрах наплаваться, потом покушать на природе. У Гордеева общий стол заявлен. Я курицу взял, копчёную.

– Целиком, что ли?

– Ну. А чего? Всем по кусочку, – парень обвёл глазами собравшихся и поправил сам себя: – Ну, не всем. Кому повезёт.

Все заулыбались. Парень тоже улыбнулся, и как-то сразу стал очень симпатичным, и эти дурацкие усики щёткой его не портили.

Парня с усиками поддержала рыженькая девушка с туго набитым рюкзаком, таким же пухлым, как она сама:

– А я пирожков напекла, с рисом и с изюмчиком. Что ж мне теперь, домой их везти?

Она так вкусно выговаривала это «с изюмчиком», что всем вдруг захотелось пирогов. Раздались протестующие возгласы:

– Не надо домой!

– С рисом обожаю просто! Родину за них продам!

– Озёра в конце будут, до них ещё дойти надо. Двадцать два километра. А оттуда до платформы полчаса в хорошем темпе.

– Полчаса... Хватил! Это как бежать надо...

– Это нам бежать надо, а у него ноги длинные, он пешком пойдёт.

– В хорошем это как? – забеспокоилась хозяйка пирогов. – Поход оздоровительный, три-четыре километра в час.

– В хорошем тренировочно-оздоровительном темпе. То есть полезном для здоровья. Пять километров в час. Или пять с половиной.

– В полезном я не дойду, – призналась толстуха под общий смех.

– За пироги мы тебя до привала на руках донесём, вместе с рюкзаком...

– Я боюсь. Вдруг мы без руководителя заблудимся, не дойдём?

– Не заблудимся. У меня карта с собой, и компас. И топорик есть.

– У меня пила складная. И спички есть.

– И у меня!

– Здорово! Значит, и костёр будет? Да мы без пилы, валежника наберём, лес большой...

– Если идти всё время на север, выйдем на железку, мимо не пройдем.

– А правда, давайте сами, без руководителя... А ему потом расскажем! Если всё время прямо идти...

– Ну, не всё время, но почти. Там дачи начнутся, ближе к озёрам. Там спросим. Меня Дима зовут, Дима-Лось, – представился владелец карты и компаса, – Я поведу.

Разношерстный народ, бесцельно топтавшийся на платформе, как-то сразу объединился и стал группой. Снимали свитера, доставали из рюкзаков штормовки и улыбались. И смотрели друг на друга уже не как на случайных попутчиков, а как на товарищей по группе.

Миновав пристанционные домики, девятнадцать человек углубились в лес и весело шагали по дороге, проложенной в точном соответствии с маршрутом, с юга на север.

Спринт-старт

Дорога ровная, грунтовая, под ноги смотреть не надо, ни ям, ни колдобин, иди себе... Они и шли: впереди, оправдывая своё прозвище, нёсся Дима-Лось, за ним летели остальные. В обещанном Лосем «спортивно-оздоровительном» темпе. То есть как на пожар. Или как от пожара. Через полчаса задние попросили остановку, передние с неохотой остановились, ворчали – если каждые полчаса отдыхать, на озёра придём к ночи.

На отдых Дима отвёл десять минут, и все разбрелись по березняку искать опята, но находили почему-то одни срезки. Со всех сторон доносились голоса, переключались, расходились, чей-то ребёнок восторженно орал, ему отзывались родители:

– Мам, пап, идите сюда, я гриб нашё-ооол!

– А ты где?

– Это вы – где, а я здесь!

Дима постоял, повздыхал и подвёл итог:

– Здесь дачи близко, лес как гребёнкой прочёсан, чего по оборкам ходить? Наши грибы впереди, наберём. Давайте, двигайтесь. Отдохнули и хватит.

Как выяснилось, не отдохнули. Заданный Лосем темп – какие там пять километров в час! Все шесть... – забирал силы, учащал дыхание, валил с ног. Непривычные к такому способу передвижения мышцы протестующе гудели, группа растянулась по дороге и разделилась надвое. Восемь человек, в числе которых оказалась рыженькая пухляшка с жёлтым рюкзаком, которую обещали нести на руках, – рванули с места в карьер и понеслись как кони. Им вслед раздались недовольные выкрики:

– Куда так погнажи-то? Поход оздоровительный, не тренировочный, написано, три-четыре км в час, а вы как кони...

– А где написано?

– Да вот же, в Плане, руководитель Гордеев, двадцать три километра, поход оздоровительный... (прим.: печатный План походов выходного дня продавался в спортивных магазинах).

– Ну и где он, твой Гордеев? Руководителя нет, а на нет и суда нет, – откликнулись «кони».

Восьмёрка, улыбаясь, прибавила шаг. Парень с чёрными усиками, чем-то похожий на Гитлера, стянул с плеч рыженькой её рюкзак:

– Давай, без разговоров. А то не дойдёшь. Что ты в рюкзак-то напихала, на зимовку собиралась, что ли? Что ты дышишь так? Ты ж не паровоз, дыши ровно. Не так. Глубоко дыши. А то не дойдёшь, в таком темпе. Меня Вася зовут. Васька-гитлер.

– Это фамилия?

– Ты дура, что ли? Фамилия Рыболовлев. Василий Рыболовлев. Только ты никому не говори, а то будут звать кот Васька.

Надя Рыбальченко за «дуру» не обиделась: это сказано по-дружески, а в том, что они станут друзьями, Надя не сомневалась. Как не сомневалась в том, что кот Васька гораздо хуже Васьки-гитлера. И представляясь, назвала бабушкину фамилию, обрусевший вариант Жемайтене. Он Рыболовлев, она Рыбальченко, ты морячка, я моряк, ты рыбачка я рыбак, хуже этого только... только Васька-гитлер!

– Я Надя. Надежда Жемаева. А ты усы сбрей, и не будешь похож.

– Что я, дурак, что ли? На кого я тогда буду похож? А так – эксклюзив, бомба, и всем прикольно, кто со мной. Ты со мной?

– С тобой! – подтвердила Надя. С Васькиной болтовнёй она забыла о темпе, и весело шагала рядом, и дышала уже нормально. Почти нормально.

- Вот! Молодец. Совсем другое дело. Пирогов-то много напекла?
- Шестнадцать штук, восемь с рисом и изюмом и восемь с курагой.
- Ух ты, здорово! Нас сколько?.. Восемь. Каждому по два!
- Как восемь? Нас же... много было. И ребята, Игорь с Леной, мы в поезде вместе ехали...
- Надя оглянулась. Рыжая лента дороги убегала назад, сливалась с небом, и там, под самым небом, их догоняли двое. Остальные куда-то исчезли.

На природе

После спринтерского старта восьмерых «спортсменов», оставшиеся девять, запыхавшиеся и расстроенные, решили вернуться на станцию. Благо дорога прямая, не заблудишься, хоть и ушли далековато.

Лена с Игорем на станцию не торопились, выбрали удобное брёвнышко сбоку от дороги и уселись отдыхать. У Игоря было больное сердце. Так считала его мама, а Игорь не считал, и двадцать километров он со своей аритмией вполне мог пройти, если с остановками и привалом, и не в таком темпе. Эти восемь одержимых, наверное, спортсмены. Хотя спортсмены не ходят в оздоровительные походы, они ходят в тренировочные. Пухленькая Надя, с которой они вместе ехали в электричке, на спортсменку никак не тянула. А вот поди ж ты, убежала вместе со всеми. Убежала, даже лапки не пожалала.

Лене было обидно как никогда. В кои-то веки удалось вытащить Игоря на природу, побыть одним, без свекровиных жалоб и предложений. Им придётся вернуться, сесть в электричку, и ехать полтора часа, и выслушать язвительное: «Нагулялись? А я вам говорила... Себя не жалеешь, так хоть мужа своего пожалей!». Идея пойти в поход принадлежала Игорю, но говорить об этом свекрови бесполезно: он-то дурак, всегда таким был, а ты куда смотрела?

Отдохнуть Лена предложила сама, сославшись на натёртую пятку. Пока развязывала шнурки на кроссовках, осматривала ногу, копалась в рюкзаке (с ногой было всё в порядке, но иначе Игорь не согласился бы остановиться, а ему было не здорово, Лена видела) – пока Лена копошилась и делала вид, что никак не найдёт коробочку с аптечкой, группа ушла.

Когда она закончила – залепила здоровую пятку лейкопластырем, завязала шнурки, не торопясь застегнула рюкзак – группа была уже далеко. Уже не догнать. Мчатся как свихнутые. Словно за ними гонятся. Арьергард в составе девяти человек неспешно топал к станции. Для них поход уже закончился.

– Одни как лоси несутся, другие как стадо с водопоя тащатся.

– Почему с водопоя?

– Не знаю. Это ты у них спроси, – улыбнулся Игорь. – Пить хочется. Тебе не хочется? У нас вода ещё осталась, или в электричке всю выпили?

– Полтора литра, «Рычал Су», твоя любимая, я её на ночь в морозилку положила, утром вынула. Холодненькая.

– А у меня термос с чаем, два литра! Живём! – обрадовался Игорь.

– Ты зачем двухлитровый взял, мама увидит, ругать будет. Меня. Что не уследила за тобой.

– Да ладно. Я для тебя взял. Мне не тяжело. Зато чаю напьёмся, ты ж любишь. А давай без них, сами пойдём, – загорелся Игорь. – Если нормально идти, не быстро, у меня не болит ничего, ты не волнуйся. Мы угол срежем и к Синеозеру придём быстрее них. В нормальном темпе. Вон тропинка подходящая, давай, а? По солнцу пойдём. Я хорошо ориентируюсь. Тут сложно заблудиться, дачи кругом, люди... Чайку попьём и двинем!

Лену не нужно было уговаривать. Что может быть романтичнее похода вдвоём? У них бутерброды с любительской колбасой и с салом, и яблоки, и горячий чай в термосе, и вода, много воды! Они сделают привал, разведут костерок, поджарят колбасу на живом огне, и жир будет капать в костёр и вкусно шипеть. Остатки хлеба они оставят лесным зверушкам, нанижут на сучки, туристы всегда так делают. И выйдут к озёрам, а не выйдут, так обратно вернуться, тут же не тайга, тропинки кругом...

О том, что в тайге тоже полным-полно тропинок, и ведут они куда вздумается, Лена не знала.

Что ж вы одни-то?

Они шли уже долго, четыре раза останавливались отдыхать, съели бутерброды, выпили почти всю воду и весь чай, а тропинка не кончалась. Лес был мрачным и сырым, под ногами хлопала вода, развести костёр не получилось: хворост сырой, валежник насквозь мокрый, хоть выжимай. По расчетам Игоря, давно уже должны начаться дачи. Но не было никаких дач, был только лес – угрюмый, неприветливый. Лес не любил чужаков, выпроваживал, плескал под ноги холодную грязь, преграждал путь глубокими лужами, морочил голову, кружил тропинками, которые никуда не вели.

Они совсем отчаялись, когда услышали глухие удары топора. Овражек, лежащий на их пути, пробежали не чуя ног, потом долго шли по каким-то кочкам, и Лена промочила ноги, лейкопластырь отклеился и пятку она натёрла в самом деле. Игорь перестал шутить, часто оглядывался на жену и велел ей ступать след в след, потому что это болото.

- Какое же это болото, глубина по щиколотку, и берёзы растут. А почему они чёрные?
- Потому что мёртвые. А тебе глубина какая нужна, по колено? Или с головкой?
- Ой, да ну тебя... Смотри, здесь вешки понатыканы! Как в кино!
- Вот по вешкам и пойдём. Как в кино.

Болото было настоящим, потому и вешки, и чёрные берёзы, и хлопающая под ногами вода. Но Игорь не хотел пугать жену.

Наконец земля под ногами стала твёрдой, и скоро они вышли к пролому в высоком заборе. Как удачно.

– Что ж вы одни-то? От группы отстали, говорите? А что ж вас не подождали товарищи-то ваши? Не знаете никого? А чего ж тогда пошли не знамо с кем? От турклуба, говорите? И руководитель не пришёл? Так куда вы, не зная дороги... Рази ж можно так! Сами, значицца, идти решили? Одни? – хозяйка сыпала вопросами, суетилась, хлопотала, угощала чаем, и Лена счастливо думала, что вот, бывают же такие хорошие и милые люди, с которыми легко.

От чая Игоря бросило в пот, и хозяйка уложила его на продавленный диван.

– Ты полежи, полежи, тебе отдохнуть надо, а то бледный как смерть. А ты пойдём, поможешь мне, из подпола сальца добыть. Небось оголодали оба? Счас поедите, отдохнёте, муж на станцию вас отвезёт, твой-то не дойдёт, устал. Долго, видать, шли-то?

Лена кивнула – долго. Потёрла глаза, которые отчего-то слипались, и отправилась за хозяйкой, мельком отметив, что Игорь, кажется, уснул. Пусть. Поспит, поест, деньги у них есть, за хлеб-сало отблагодарят. Живут хозяева небогато: крыша железная, а домик маленький, старенький, мебель разваливается, сараюшка из жердей, да собачья будка. А собаки не видать. Сдохла, наверное.

Хозяйка, конечно же, будет возражать, русское гостеприимство не требует платы, но им с Игорем надо как-то выбираться отсюда. Как хорошо, что они вышли на этот заброшенный лагерь! Их отвезут на станцию... а лучше прямо домой, они заплатят. Как же хочется спать...

– А собака ваша... умерла?

– А-аа, ты будку собачью углядела. Жива, куда она денется. Муж в сарайке мясо рубит, там она, с ним.

В группе Гордеева их больше не видели. Их вообще больше никто не видел.

Часть 2

Георгий Гордеев

Георгий Гордеев, новоиспечённый инструктор секции походов выходного дня Московского городского туристского клуба, лежал с компрессом на лбу и тихо стонал от бессилия. Он всю жизнь проработал на железной дороге, с людьми, руководил коллективом в несколько сот мужиков, но справиться с квартирной хозяйкой не мог.

– Не стони, всё равно не пушу. Какой тебе поход, ты ж горишь весь, и горлом сипишь, и температура под сорок. Не пушу!

Гордеев покосился в угол, где стоял собранный с вечера рюкзак – новенький, выданный Клубом, с эмблемой Московской Федерации спортивного туризма: голубой земной шар, белая палатка и герб города Москвы – Георгий Победоносец, копьем убивающий змея. В отличие от своего тёзки, Георгий Гордеев чувствовал себя тем самым змеем, корчившимся под копьем.

– Пустишь. Забыла, какое сегодня число? Так я тебе напомним. Сегодня девятнадцатое августа, меня туристы ждут, поход объявлен, народ соберётся... а меня нет!

– Ждут, подождут. Ничего с ими не сделатца, а ты загнёшься, в лесу-то ентом, и туристы твои на станцию тебя поволокут, вот радость-то им будет, начальника дороги на своём горбу на эту самую дорогу ташшить... Болеешь, дак лежи. Счас горчичников налеплю тебе.

Георгий проболтался хозяйке, что в прошлом был заместителем начальника Ярославского региона Северной железной дороги, и теперь пожалел об этом. Сам виноват, не трепись, сказал себе Гордеев. Карьера начальника закончилась «условно-досрочно» с выходом на пенсию, карьера руководителя походов грозила закончиться не начавшись.

Губ коснулось что-то холодное, гладко-приятное. Кружка! Как же хочется пить!

– Нако-ся, хлебни, смородиновый взвар от любой немочи помогает. Попей. Я остудила, холодненького-то хотишь небось?

От кисленького морса стало немного легче, хотя комната кружилась и куда-то плыла, тонула в зыбком тумане. Сквозь туманную завесу доносился ласковый говорок Антонины Сидоровны, от которого тоже становилось легче. О Гордееве никто так не заботился, даже жена, когда она у него была. Жена, музыкантша, пианистка, сердилась, когда он называл её музыкантшей, стеснялась его «железнодорожной» должности и не любила его работу, его дорогу. Презирала, наверное. А Сидоровна, которой он платил за постой и за харчи, навеличивала его по отчеству и втихомолку гордилась – постоялец большой начальник, а с ней запросто, на равных. Старше его на восемь лет, Сидоровна звала Гордеева сынком. Обозначила пристанционную границу, понял Гордеев. И смирился: сынок так сынок.

Сидоровна вынула из его рюкзака бутерброды и свитер, унесла куда-то. Вот же дурная баба, не понимает, что это его первый поход, он должен... Сбить бы температуру хоть немного, глаза печёт от жара...

– Тонь, ты это... Аспирину мне дай. И не гоношись. Не помру.

– Я врача вызвала. Загнёшься той. Пушай он тебя глянет, врач-то, хуже ж не будет, – оправдывалась Сидоровна. А Гордеев лежал и думал: «Тоня ты моя! Как хорошо, что ты у меня есть. Без тебя бы уж точно загнулся».

Ещё он думал о группе. Будут стоять на платформе и ждать. А потом поймут, что он не появится, и разойдутся. И больше к нему не придут.

Великолепная восьмёрка

Гордеев напрасно переживал и мучился: в следующий поход восьмёрка явилась в полном составе, и с восторгом рассказывала, как они прошли маршрут... почти до конца, потом не знали куда идти и вернулись, уже впотьмах. Как бежали на последнюю электричку, которая оказалась предпоследней, так что зря они бежали. Как много народу было в вагоне – с дач возвращались, воскресенье же, все чистенькие, умытые, благовоспитанные, а тут мы вваливаемся как свиньи, там же болота кругом, и на дороге бочажины, мы их не видели в темноте, когда бежали... ну и упали пару раз.

Восемь человек рассказывали – перебивая друг друга, взахлёб вспоминая подробности, прерывая рассказ дружным хохотом – как на привале они удивлялись, куда подевались остальные одиннадцать человек. Как Васька размахивал курицей, уронил её в костёр и полез доставать. Как Диму-Лося костерили за то, что чай предложил вскипятить из болотной воды (Гордеев на Лося посмотрел уважительно, остальной народ – смотрели как на идиота). Как делили пирожки и никак не могли разделить шестнадцать на восемь, потому что Надя свои два положила обратно. Как не дошли до Синих озёр, и им пришлось возвращаться той же дорогой, бегом – потому что вдруг электричка последняя, а бежать после пирожков и после чая знаете как тяжело?

Остальные слушали и завидовали: им хотелось вот так же – бежать на электричку, всей гурьбой, и радоваться – гурьбой, и чтобы руководитель смотрел с восхищением. Хотелось быть своими. В том, что эти восемь – костяк группы, свои, гордеевские, никто не сомневался, и никто бы не поверил, что Гордеева эти «свои» видят впервые в жизни.

Гордеевские походы обрели бы популярность среди туристов, если бы не одно «но»: маршрут всегда один и тот же, двадцать три неспешных километра с Казанской дороги на Курскую, от Донино до знаменитых Синих озёр. Маршрут вполне так проходимый, с тропинками-дорожками и грибами-ягодами. Сначала встречались люди, места были дачные. По мере удаления от Донино грибников становилось меньше, а грибов больше. Рельеф здесь неприемтно понижался, лесная дорога сама стелилась под ноги, лес становился глуше, тише, ни голосов, и ни собачьего лая. По бокам дороги в не высыхающих даже летом бочажинах стояла вода.

Что уж говорить об осени! Под ногами размешанная с водой скользкая глина, и лужи до колен. А с дороги не сойдёшь, везде топко, вязко, непролазно... Зато – лес стеной, сказочно красивый, пахнущий осенью, насквозь прозрачный. И елки изумрудные, и тишина необыкновенная, и кажется – слышно, как падают листья. Маршрут был постоянный, и постоянная компания, ставшая уже своей. А лес каждый раз другой, каждый раз прекрасный.

Пока до Синеозера дойдёшь, вдоволь грязи намесишься. Но – месили, с упорством людей, идущих к великой цели. И на привале наслаждались отдыхом: с миской горячего супа на коленях, которой ели не торопясь, смакуя каждую ложку; с чашкой дымящегося кострового чая.

«Дима, ноги уברי. Я обходить замучилась»

«Кто шарлотку не брал? Чей кусок остался?»

«Вкусно. А это с чем?»

«Это тыквенный пирог, а ещё здесь мёд и цедра лимонная, я на тёрке...»

«Ааа-ха-ха-аа... У Васьки ложка в банку не пролезает!»

«А ты зачем такую принесла, не могла пошире...». И хохотали, расплёскивая чай, и домой возвращались охмелевшие от лесного воздуха, усталые и счастливые.

Гордеев был доволен: на этих восьмерых можно надеяться как на себя, темп выдерживают и не говорят, что он не оздоровительный, почти тренировочный. И спортивные, и неконфликтные, вполне себе вмняемые. Как по заказу. Остальные приходят и уходят, но это во всех

группах так, туристы народ свободолюбивый, сегодня к одному руководителю придут, завтра к другому, никто ведь не запрещает, включение в группу свободное. Зато у него теперь группа, своя группа!

Из дневника Нади Рыбальченко

20 августа 2018. Руководитель вчера не приехал, заболел, наверное. Все помчались как ненормальные, а остальные обратно пошли. Я бы тоже вернулась, но я о пирогах проговорилась, и пришлось со всеми идти. А Лена с Игорем отстали, я их сначала видела, а после уже не видела, наверное, на станцию вернулись.

19 сентября 2018. Лена с Игорем с нами не ходят, другую группу выбрали. Жалко, что телефонами не обменялись, хорошие ребята. Жалко, что не приходят к нам. У нас на привале кострище с прогоревшими углями, под навесом из полиэтилена сухие дрова и хворост, порубленный в лапшу, бери и разжигай. Постоянное место привала это здорово! А маршрут всегда один – с Казанской железной дороги на Курскую, к знаменитым Синим озёрам, и место для привала постоянное, и группа – тоже постоянная. Новенькие у нас редко появляются, им не нравится по одним и тем же местам ходить. Но мы не по одним и тем же, мы петляем-виляем-заворачиваем, а на привал приходим на нашу поляну, и радуемся каждый раз как дураки.

Половина группы живёт по Курской железной дороге, другая половина по Казанской, так что казанским не надо вставать чуть свет и ехать на вокзал, подсядут по дороге; а курские весь маршрут идут на свою дорогу, домой. Нам, москвичам, вставать раньше всех приходится, и до дома добираться дольше. Ваське хорошо, он рядом с метро живёт, а мне дальше всех: на электричке до вокзала, потом на метро, потом на другой вокзал, на другую электричку, потом на автобусе две остановки, или пешком. Но я привыкла – и вставать, и добираться. Оно того стоит, так Васька говорит.

Походы у нас оздоровительные (а есть ещё тренировочные, по азимуту и без дорог), весь маршрут по лесным дорогам, шагай не хочу, природой любуйся. И мы бы любовались, если бы не ураган. О нём даже передавали в новостях. На дачах у всех сараи ветром повалило, парники с выбитыми стёклами стоят, яблоньки-вишенки на земле лежат, жалко до слёз!

После урагана «шагай не хочу» транскрибировалось в «перелезай не хочу». Грунтовку расчистили, деревья попилили, машиной увезли, а дальше как в поговорке, чем дальше в лес, тем больше дров. Все дорожки-тропинки завалило, куда ни поверни, поперёк дороги суковатые берёзы и ели в три обхвата. Так что наши походы можно назвать тренировочными. Но все перелезают и никто не жалуется, правда, Васька штаны порвал, там сучья острые. Я на привале зашивала, Гордеев иголку дал и нитку суровую.

(Прим.: транскрибировать – сделать транскрипцию, в музыке – перевод музыкального произведения в другую тональность).

Не столь радостно

Через месяц на Гордеева посыпались жалобы, написанные грамотно и подробно и отправленные в администрацию Клуба туризма с уведомлением о вручении (Гордеев возмутился: вот же сволота).

За «удручающе повторяющийся» маршрут (Гордеев удивился: не нравится – так не приходите).

За «недопустимо-командирский» тон (Гордеев не согласился: он руководитель, а как ещё разговаривать с подчинёнными, если подчинённые не подчиняются и предлагают изменить маршрут, удлинить привал, и никакой дисциплины, жаловался Гордеев Сидоровне).

– А давайте срежем! Столько топать... А так короче!

– А давайте привал три часа!

– А потемну потом идти? Ноги переломаете, скажете, руководитель виноват, – возражал Гордеев. И слышал в ответ:

– А у нас фонарик есть. Зато у костра подольше посидим.

Привал у Гордеева полтора часа и ни минутой больше, а в советах он не нуждался, о чём и сообщил любителям посидеть.

Третья жалоба, за которую его и вызвали на разборку в администрацию турклуба, была наглой ложью: якобы он, Гордеев, бросил шестерых туристов, и они заблудились – в трёх соснах, как высказался Гордеев на собрании руководителей Клуба, и это была ещё одна его ошибка.

В последний день сентября погода порадовала теплом, вода в Синем озере тёплая, нагретая солнцем. На следующей неделе синоптики обещали дожди, обещали осень. Уступая просьбам туристов, Гордеев перенёс привал на озеро. При этом основной привал в середине маршрута, с костром и чаем, он находчиво сократил (костёр и чай тоже сократил): через двадцать минут поднял удобно расположившийся народ и повёл группу дальше. Бутерброды дожёвывали на ходу. Сами так захотели.

Двадцать два километра в «бодром» темпе, с двумя десятиминутными остановками и куцым двадцатиминутным привалом, всех изрядно утомили. Синее озеро встретило прозрачной водой, в которую и влетела с разбега половина группы. Другие расположились на траве, вытащили из рюкзаков термоса и бутерброды, перекусили, отдохнули и полезли было в воду. И тут Гордеев засвистел в свисток: «Пятиминутная готовность, собираемся, обуваемся, через пять минут выходим. До станции три километра, электричка в семнадцать пятьдесят, следующая через час».

– Да он что, издевается, что ли? Только сели, только поели, искупаться не успели даже!

– Не успели, значит, не хотели. У вас было полтора часа.

– Могли бы привал побольше сделать.

– Мы и сделали – побольше. Мы в лесу полчаса сидели, забыли?

Народ недовольно запыхтел и стал собираться. Шестеро – трое ребят и три девчонки – свисток проигнорировали, Гордееву сказали, что останутся, и попросили объяснить дорогу к станции. Гордеев объяснил: по грунтовке вдоль поля, а там посёлок, там до электрички минут пятнадцать.

А как им ещё объяснять? Не знаете дороги – идите со всеми, с руководителем, тогда и объяснять не надо будет.

Как оказалось, эти шестеро просидели на озере до темноты, по грунтовке до посёлка дошли без проблем... и не спрашивая дороги, пошагали за людьми, вереницей тянувшимися по широкой улице. Откуда им знать, что люди с электрички, и идут домой. Шестёрка весело

дотопала до окраины посёлка и шла ещё некоторое время. Потом сообразили, что электрички не слышно и никто навстречу не попадает. Хорошо, пацан на велосипеде ехал, остановили:

– Парень, мы к станции правильно идём? Далеко ещё?

– Если сейчас повернёте, то не очень, на велике минут двадцать. Вы в другую сторону идёте.

Парню от души хотелось навалить, потому что ухмылялся. Но парень уехал. А они пошли обратно. Долго. Потому что, отдохнув как следует у озера и наплававшись в освежающе-прохладной водичке, на радостях отмахали километров шесть в противоположном от станции направлении. Ну и навалили Гордееву в письменном виде, вместо того паренька с нехорошей ухмылкой. Встретишь такого один на один, не обрадуешься.

Жалобу накатали грамотную, с прологом и эпилогом: как руководитель самовольно изменил время привала и протащил группу по жаре больше двадцати километров; как их шестерых на озере оставили, а дорогу толком не объяснили, у девчонок сил уже не было идти, а ребята не смогли их бросить; как вместо двадцати пяти объявленных километров они из-за Гордеева прошли тридцать семь, и их чуть не убили местные...

«Сочинение на свободную тему, – сказал Гордеев. – Во-первых, мы по тенёчку шли, не по жаре. Во-вторых, привал они сами попросили на озёра перенести. В третьих, сил у девчонок не осталось, потому что пивом обхлебались, баночным, да на жаре. В озере остудили и пили. Идиоты. От озера до станции три километра, и ни минутой больше. И если эти придурки в другую сторону пошли, это их проблемы. Могли бы спросить, где станция.

В пятых, тридцать семь кэмэ они бы не прошли, пусть не брешут.

– Я всё объяснил, ничего не забыл? – осведомился Гордеев, оглядев собравшихся с видом победителя.

– Вы забыли в-четвёртых. В пятых сказали, а в четвёртых забыли, – напомнил кто-то из двадцати семи руководителей ПВД (походов выходного дня), явившихся на собрание и ставших свидетелями гордеевского позора.

Часть 3

Отщепенец

За четвёртую жалобу, написанную вдогонку первым трём, якобы он на кого-то наорал (Гордеев не помнил, на кого. Наорал, значит, так надо было) его снова пригласили в администрацию Клуба. На это раз обошлось без собрания, ему просто сказали, что в таких руководителях Клуб не нуждается, Гордеев швырнул на стол партбилет, то бишь удостоверение руководителя, сорвал со штормовки значок Клуба, хотел и штормовку швырнуть, но в последний момент передумал: он за неё заплатил, экипировку руководителям продавали по складской цене. Штормовку и рюкзак он не отдаст.

Их с него и не требовали. Не попросились даже по-людски, покивали молча, и Гордеев им покивал. И всё.

По дороге домой купил бутылку виски и выпил вдвоём с хозяйкой, как он называл Антонину Сидоровну, после чего закручинился, по выражению той же Сидоровны.

– Ничего. Перемелется, мука будет, – успокаивала его хозяйка, которой он рассказал обо всём, не щадя себя и излагая события объективно.

– А чего ты хочешь? Чтобы благодарности тебе писали? Несёшься как угорелый, поесть людям не дал...

– Так они же сами просили привал перенести, сами! И на меня же жалуются. Не могу же я два привала устраивать.

– А чего ж, можно и два. Погода-то тёплая. И ходили бы помедленней, на пожар вы, что ли, бежите? Отдыхали бы почаще... – гнула своё Сидоровна.

– Ага-ага, помедленней, – взъелся Гордеев. – И придут ко мне сто человек, «отдыхать». Знаю я такие группы, и как там отдыхают, знаю. Водку пьют и в волейбол играют. Это у них поход называется. Оздоровительный. И жалоб никто не пишет, всем нравится.

Сидоровна вздыхала. Соглашалась. И заходила с другого боку:

– Ну а орал-то зачем? На женщину, не на мужика. Какое ж ты право имел...

– А имел! Люди обедать сели, она аппетит портить взялась, вы, говорит, себя убиваете, смерть свою приближаете. Говорит, консервы яд, и сахар яд, и хлеб, и соль, и салаты ваши со сметаной яд, потому что в сметане антибиотики, коров антибиотиками кормят, а вы едите. И на голову встала.

– Это как – на голову?

– А вот так. Каком кверху. Йога. И стоит, выё... выёживается, я мол вот как умею, вся такая правильная, а вы ядом травитесь. Мужики аж жевать перестали. Правда, спрашивают, яд? А она им – правда. И перекрестилась. Ну и зачем мне в группе эта шизоидная? Я ей сказал, чтобы встала нормально и не выё... не выёживалась, ну и ещё что-то сказал, не помню уже.

Утром Гордеев был никакой, завтракать не стал, обедать Сидоровна его заставила, не пимши не жрамши второй день, куда годится?

– Не жрамши, но пимши, вчерамши, – поправил её Гордеев. – Хлеба дай. – И сел хлебать суп.

– Неможется? Или полегче тебе стало?

– Полегче. Хуже чем вчера, но лучше, чем сегодня утром, – признался Гордеев, и Сидоровна покачала головой. Вот пойми его!

* * *

«Попимши и пожрамши», Гордеев воспрянул духом и обзвонил «кадровый состав» группы, телефоны у него были, всех восьмерых. Гордеев изложил предельно кратко, что он

больше не член Клуба, стараниями благодарных туристов. А походы будут необъявленные. Если хотите, приходите. Двадцатого октября, это суббота. Электричка, как обычно, семь тридцать одна. Если хотите, конечно.

Они хотели, все восемь, а Надя даже попросила разрешения привести подругу, и Гордеев разрешил. Девять человек это по любому лучше, чем восемь.

Последней он позвонил Наталье. И не выдержав, признался, как тяжело у него на душе и как его приложили в Клубе. Наталья «развела беду рукой», заявив, что на каждый роток не накинешь платок и что так даже лучше: в группе все свои, закрытый профиль.

Про профиль Гордеев не понял, Наташа объяснила, и Гордеев улыбнулся – впервые за последние дни.

Гордеевские походы больше не появлялись в официальном расписании, получив статус необъявленных, то есть только для своих. И все от этого только выиграли – и Клуб, и Гордеев, и «свои».

Свои

После потери статуса руководителя походов выходного дня МГКТ (Московский городской клуб туризма) Гордеев попритих, как сказала бы Сидоровна. На маршруте почти не разговаривал, вместо его любимого «Группа! Встаём, идём дальше!» молча подносил к губам свисток. Группа молча вставала и шла. Дисциплину они воспринимали как данность. Как воздух, которым дышат и никто не замечает. Все кроме двоих имели неслабую физическую форму, и темп был им не в тягость, даже Надя привыкла и уже не пыхтела, ловко перебиралась через поваленные деревья, и Лось её похвалил:

– Во! Идёшь как человек, а то всё охала.

– Я не всегда, я только когда ветки цеплялись.

– А теперь не цепляются? – задал вопрос Лось, и Надя не смогла ответить. Шла и улыбалась: Дима-Лось мало кого удостаивал похвалы, больше придирался и цеплялся, как те ветки. Или как репейник. Надя фыркнула. Лось тут же отозвался:

– Во! Весело ей. Битых три часа как кенгуру по деревьям лазаем, а она веселится. Молодец девочка!

Про кенгуру – это он здорово. Он всегда так шутит. Сейчас Виталик кинется его поправлять и объяснять ему про кенгуру, и будет веселуха. В группе всегда так. Неужели мы правда три часа идём? Значит, скоро уже привал. Хорошо-то как!

Гордеев постепенно оттаял, разговорился, на привале смеялся вместе со всеми, а смеялись они с завидной регулярностью. Вопросы решали по ходу дела и не сбавляя шаг, а проблемы... Да не было в группе проблем! То есть, они конечно были, у каждого, у кого их нет? Но на привале проблемы не обсуждали, а обсуждали фильмы, книги, походные маршруты, руководителей, туристов, что класть в котёл, что резать в салат... что отмочил Дима-Лось, когда покупал билет, как Васька-гитлер обаял контролёршу, и она ему простила «заячий» проезд... Было очень весело, а проблемы куда-то исчезали. Боялись веселья, наверное.

Толклись у костра, греясь живым огнём и мечтая об обеде, поскольку всем хотелось есть. Ждали, когда закипит вода в котлах. Обламывали с ёлок мелкие сухие веточки на растопку, они хорошо горят. Резали хлеб и всё что надо резать, разливали по мискам суп, подхватывали с «чайного» стола мятные пряники, красиво нарезанные ромбики тыквенного пирога и разноцветные мармеладины, обсыпанные сахаром. И радовались тому, что они снова вместе, что не зря прожит выходной, что нет дождя (если был, обедали под натянутым на четыре жердины полиэтиленовым пологом и радовались, что сухо, и можно нормально поесть).

Полутора часов вполне хватало и на обед, и на отдых. Они заливали кострище водой и отправлялись в путь. Дружно махали из окон электрички тем, кто выходил раньше, на вокзале долго прощались и всю неделю ждали субботы.

* * *

Уписывая котлеты с душистым картофельным пюре, которое у Антонины получалось волшебными вкусными, Гордеев рассказывал ей о походе, в патетических местах взмахивая вилкой. И спохватившись, лез в рюкзак: «Я тебе гостинец принёс, клюквы набрали сегодня».

Сидоровна отбирала у него рюкзак, подкладывала в гордеевскую тарелку котлетки и удивлялась. И чему человек радуется? Километров прошагал немерено, да по завалам, да по грязи осенней. Понесли его черти! Теперь вон сидит, ест как в последний раз, не наестся никак...

Черти были своими в доску, и несли Гордеева, можно сказать, на руках, а походы прибавляли сил и дарили душевный комфорт.

Не каждому руководителю так везёт, когда в группе такие люди. Виталий Герт, бывший горный спасатель, рассказывал байки о горнолыжниках и приносил фотографии, от которых у

всех захватывало дух; Дима-Лось, бывший баскетболист, мог дать дельный совет и был негласным гордеевским замом; Надя-пианистка пекла замечательно вкусные пирожки; Васька Рыболовлев, душа компании, разжигал костёр с одной спички; двойняшки Юля и Люба умели играть на гитаре, и много чего умели, даром что девчонки совсем. И никогда не ныли, Гордеев это ценил в людях.

Была ещё Наталья Крупенова, старая дева (это сразу видно), лет за сорок. Была ещё Лера Голубева, голубиная душа, малоежка и каприза, каких поискать. Из-за неё суп в группе варили, предварительно сняв с тушёнки жир (добавляли в миски желающим, по кусочку), а салат ей накладывали первой, после чего заправляли майонезом и солью и раскладывали по мискам. Лера ковырялась в салате с видом мученицы, брезгливо отодвигая кусочки колбасы. Колбаса свежая, вкусная, все едят-нахваливают, ей одной не нравится.

– Тебе что, есть ничего нельзя? И жир нельзя, и колбасу? Желудок болит, да? Гастрит? Панкреотит? Ты худенькая такая, в чём душа держится... Голубиная душа!

– Какой ещё панкреотин? Сам ты кретин! – выворачивала «голубиная душа». – Ничего у меня не болит, и мне всё можно. Просто я не хочу.

Лера уходила от костра, чтобы не приставали, и примостившись на брёвнышке, ела свой салат. Без соли и без масла. И бревно сырое, а она на него уселась.

– Лер, простудишься, иди к костру, холодно же, – звала Наталья.

– Не простужусь, я на подпопнике сижу (туристский слэнг: пенополиуретановый коврик-сидушка, не пропускающий холод), – неприязненно отзывалась Лера. Потому что бревно сырое, салат холодный, а костёр далеко, и чего привязались?

– Лерочка, а давай я тебе сметанки положу, вместо майонеза? – предлагала Надя, и слышала в ответ:

– Не надо. Мне и так вкусно. Слушайте, дайте спокойно поесть, а?

Гордеев показывал Наде кулак, та испуганно замолкала, Лера, замёрзнув, возвращалась к костру, хватала миску с горячим супом и лезла с ней чуть не в костёр. Ненормальная. Стоя ест, как лошадь.

– Что ты стоя, как лошадь ешь. Сядь!

– Не хочу, у меня спина замерзает.

– А ты спиной к огню садись.

– А тогда впереди всё замерзает, и руки, не могу же я в перчатках есть! Отвали, надоел.

Голубиные капризы никому, в принципе, не мешали. Лера тихонько призналась Гордееву, что профессионально занимается танцами, и её капризы вовсе не капризы, только вы... только ты никому не говори.

– Правда что ли? – не поверил Гордеев, которому польстило её «ты», значит, не такой он старый. – А в каком... коллективе, или как это у вас там называется?

Голубева наклонилась и сообщила в гордеевское ухо название ансамбля, отчего ухо покраснело, а глаза широко раскрылись.

– А к нам чего ходишь?

– Я природу люблю, и грибы собирать, и на лыжах, – призналась Лера.

Часть 4

Голубиная душа

Голубева бессовестно врала. Из шоу-балета «MaximumShow» её выгнали два года назад, за поведение и прилежание, как сказал руководитель ансамбля. И не только сказал, но видимо, и позвонил куда мог, так что Леру никуда не брали. Она маялась от безделья, ходила по кастингам, и её взяли в модельное агентство. Деньги её устраивали, а работы Лера стеснялась («а чем гордиться? докатилась, вешалкой работаю»). И соврала Гордееву, а он поверил.

Лера мстительно улыбнулась. Знай наших! И подумала, что «наши» давно о ней забыли, знать не хотели, с глаз долой, из сердца вон. По улыбке пробежала тень, и Гордеев подумал, что Голубева, как все люди искусства, очень ранимая натура, с ней надо осторожно, а то уйдёт из группы.

О «людях искусства» Гордеев судил по своей бывшей жене, преподавательнице по классу фортепиано в детской музыкальной школе, а от музыкальной школы до искусства как до звёзд. Лерин цинизм не знал предела, апломб побивал рекорды, воспитание оставляло желать. Голубева была несдержанна на язык, вспыльчива, злопамятна, за всю жизнь не прочитала ни одной книжки, но танцевала профессионально, а выгнали потому, что место кому-то понадобилось, успокаивала себя Лера.

Она всегда умела договариваться с собой. А нервы... Нервы, правда, совсем никуда, затем она и ходит в походы выходного дня, чтобы их привести в порядок. Она почти уже не срывается, и спать стала нормально, без слёз. А будут доканывать, другую группу найдёт, без общего стола. Там каждый сам по себе, на привале сидят под деревом, каждый под своим, жуют из пакетиков.

В пакете можно приготовить отличный салат, если все ингредиенты покрошить на доске (доску Лера приносила деревянную, настоящую), свалить в пакет, вместе с заправкой, завязать покрепче и там, в пакете, перемешивать, осторожно перебирая пальцами. «Выход готового продукта» получится сразу на всех, на десять порций. Да хоть на двадцать, если пакет побольше взять.

Гордеев похвалил Леру за находчивость, и она, убедившись что никто не смеётся, предложила вариант – без майонеза и почти без соли, сметана и вода, а вместо картошки и колбасы – травки, лучше эфиромасличные, с ними вкуснее. Да любые можно!

– Это какие любые?

– Эстрагон, шпинат, кресс-салат, листовую горчицу, кервель, иссоп, майоран...

– Где ты его возмёшь-то, майоран? Он под ногами не растёт.

Лера удивилась. Салатные «травки» она покупала в фирменных магазинах. В сетевых, конечно, дерьмом торгуют. Про дерьмо Лера не стала озвучивать. Если у Гордеева так ставят вопрос, можно и под ногами. Она осмотрелась, сорвала какой-то стебелёк, растёрла в пальцах и сунула Лосю в нос.

– Почему не растёт? Растёт. Майоран. На, ешь. – И протянула ладонь.

Лось наклонился и взял с ладони угощение, губами, как настоящий лось. Морда у Лося стала задумчивой. То есть лицо. Он сосредоточенно жевал.

– Это душица, – догадалась Наталья.

– Душица, да. Зимний майоран, дикий. Листья очень ароматичны, я в салат всегда кладу. Но можно и не дикий, я вам принесу, если есть будете. А эндивий пробовали? В нём белки, и сахара, и витамины! Это вам не майонез ложками есть. Килограммами. – закончила Лера в своём репертуаре и выразительно посмотрела на Надю. Надя испуганно закивала.

«Не сдержалась. Врезала так, что... А ведь так хорошо начала» – подумал Гордеев. И поспешил сменить тему.

Салат эскарюл

Салаты в группе готовили под голубиным руководством, она же приносила ингредиенты. Гордеевская гвардия удивлялась, изумлялась, пробовала недоверчиво. И с аппетитом жевала цикорий салат эскарюл, салат из зелени сельдерея с ореховым соусом, молодые листья бораго, волшебю пахнущие свежим огурцом и заправленные сметаной пополам с водой.

По части салатов у Леры имелся богатый жизненный опыт. Листовая горчица и чабер с успехом заменяли соль, морковь и красные яблоки заменяли сахар, растёртые семена тмина заменяли специи. Оливковым маслом сбрызнуть, и пальчики оближешь.

Наталья тихонько спросила про «травки», где она их покупает и почём. Узнав, где и почём, охнула и больше не спрашивала. И больше не думала, что Лерка экономит, приносит траву, а другие приносят тушёнку и сало. К слову, к салу Лера не прикасалась, а к тушёнке была равнодушна, заявив, что предпочитает ромштексы из парной говядины.

Лера с удивлением поняла, что Васькины шутки её больше не раздражают, как и Надины робкие предложения «покушать пирожка», и Димкино фрондёрство, и гордеевские ценные указания: «Сходи к роднику за водой, набери хвороста на растопку, делай что-нибудь. Хлеб нарежь. Все заняты, а ты как пень сидишь».

С пнём её ещё не сравнивали, это что-то новое. Это вау. Никуда она не уйдёт, ей нравится у Гордеева, и народ здесь хороший, незлобный, заботливый. Наталья так прямо шефство над ней взяла, и платок шерстяной отдала, когда Лера замёрзла. Кости отморозила, пошутил Виталья и тут же получил от Гордеева на орехи. Она не уйдёт из группы. Она потерпит.

Гордеев запретил её трогать, пригрозив отчислением из группы за «создание конфликтной ситуации». Никто ему, конечно, не поверил, но Виталик больше не лез с расспросами, Надя не лезла со своей сметаной, Васька перестал шутить, Наталья перестала возмущаться, и всё вошло в колею, как выразился Лось.

– Голуба, мы салатик тебе положили... Это голубиная миска, жир не кладите, а то она есть не будет. В прошлый раз суп взяла и вылила. Вот же зараза!

– Валери, сегодня финики к чаю, Виталик принёс. И бисквит с повидлом, вчера испекла. Ты бисквиты ешь?

– Ем. Давай! И финик мне принеси! Куда ты столько, я один просила... – Лера ложкой соскребла с бисквита повидло и намазала на Васькин кусок, который он принял, согнувшись в шутовском поклоне: «Благодарствуйте, барыня, век буду бога молить».

– Кушай, не обляпайся, – под общий смех отозвалась Голубева, облизывая пальцы.

Вот это жизнь! Вкуснотища! А то всё тесто слоёное приносят.

Часть 5

В любую погоду

Тон в группе задавали две близняшки-двойняшки, Юля и Люба. Девчонки играли на гитаре так, что заслушаешься, а гитар у них две, и не лень таскать. Но они таскали, и играли, и песни пели у костра. И подружились с Надей, потому что все трое любили музыку и пироги. Именно в таком порядке: сначала музыка, потом пироги, но чтобы обязательно.

– Как вам темп, девчата? Не тяжело? Или, может, прибавить? – спрашивал Гордеев, пряча улыбку. И слышал в ответ:

– Нам не тяжело, нормально. Не надо прибавлять, а то уже ноги не идут.

Нет, что ни говори, с двойняшками ему повезло, просто сказочно! Должно же ему хоть в чём-то повезти.

С тех пор как от Гордеева ушла жена, его семьёй была эта группа. Он пришёл с работы, жена разогрела ужин и спокойно сказала: «Я от тебя ухожу». Гордеев как-то сразу понял, что она уйдёт, что не шутит. Она никогда так не шутила. И инструмент забрала, кабинетный рояль. Без рояля квартира опустела, и Гордеев не понимал, чего ему не хватало больше, рояля или жены, жены или рояля. Не хватало обоих.

И ладно бы к другому ушла, Гордееву было бы не так обидно: есть мужики получше его, и зарабатывают больше. Но нет, Лариса ушла к маме, он проверял, ездил вечером, стоял под окнами – первый этаж, слышно всё. Мужские голоса в квартире не звучали, только Ларисин и её матери.

И ладно бы говорили, а они... пели песни! На два голоса. Весело ей. Дома не пела. Или пела, когда его не было? Выходит, ей без него хорошо, с ним плохо было? Так зачем на свиданки к нему бегала, зачем замуж выходила? Зачем жила...

Гордеев слушал, как рассыпается аккомпанемент — красивыми арпеджато, приглушённо, не мешая солировать певицам, и сердце сладко таяло, и в нём не было ненависти, только горечь и любовь. Он всё и всегда прощал жене, даже что детей у них не было, простил. Лариса называла его работу «придорожной», а перед подругами хвасталась: муж начальник дороги, знай наших.

Никакой он не начальник, он заместитель, и не дороги, а отделения дороги, а это большая разница. А теперь и вовсе пенсионер, по выслуге лет, зачем он ей нужен? Правда, пенсия ведомственная, приличная, но живут ведь не с пенсией, живут с человеком. А она не захотела с ним жить. Интеллигентная, а он кто? Дорожный начальник...

Его семьёй стала группа, эти девять, костяк, ядро, кадровый состав, свои, одним словом. Которые – в любую погоду, в любую грязь – всегда с ним.

Сезонные яблоки

Вот насчёт грязи он ошибался. Грязи-то особой не было, да и маршрут проходной, тропинки-дорожки, от Донино и вовсе грунтовка, от Синеозера до платформы по шоссе полчаса, вдоль шоссе заборы дачные, за заборами яблоки висят, падают, и хоть нехорошо это, но – если падают, почему не подобрать? Они и подбирали, по сезону: северный синап, антоновку, боровинку... Васька-гитлер в сортах разбирался не хуже селекционера, и в группе всегда знали, что едят.

– Осенние не люблю, у них шкурка жёсткая. Вот летом душу отведём, анисовка пойдёт, штрифель, шафран, ранет... Самые подзаборные сорта, падают хорошо, – выдал Васька под общий смех. – Да тихо вы! Это же...это... Ред делишес! Повезло нам. Радуеться максимально тихо, а то хозяева выскочат, отберут.

– Васька, остановись! Куда ты рюкзак набиваешь?

– А чё? Это же ред делишес, ты попробуй сначала, потом возражай. Они вкусные, язык проглотишь. Они по триста центнеров с гектара дают, а мы по одному... по парочке всего взяли. А что вы на меня так смотрите? Я для себя, что ли, беру? На станцию придём, ни одного не останется, вон Юлька с Любой всё съедят, они яблоки любят, они у нас спортсменки, а в яблоках калорий мало, – оправдывался Васька.

Юля с Любой дружно подтвердили, что – съедят.

– Дай хоть попробывать... твой ред дюшес, – к Васькиному рюкзаку протянулась тонкая рука с узкой кистью, длинными пальцами и красивыми ноготками. – Что ты мне одно яблочко даёшь, скупердя, дай три, я есть хочу, – капризно заявила Голубева. «Скупердя» расцвёл, полез в рюкзак за ред делишесом, а все покатались со смеху.

Соболята

Двойняшки Юля и Люба Соболев родились очень подвижными, елозили в кроватках, аж в узел сворачивались. Юлина-Любина мама сочла это признаком таланта и отвела своих «соболят» на гимнастику, которую обе ненавидели, не любили сидеть на растяжке, не любили терпеть боль, не понимали, почему надо заниматься, когда они уже устали, почему им не покупают сладкого, почему им нельзя газировку и мороженое, а всем можно, почему макароны и картофельное пюре они едят по праздникам, а папа с мамой каждый день. Запах жареной картошки вползал в ноздри, дразнил, но картошку съедали без них. А мясо не лезло в горло и воспринималось как наказание.

Вырасту большая и не пойду на гимнастику, никто не заставит, говорила сестре четырёхлетняя Юля, и Люба с ней соглашалась. А время шло. Кандидат в мастера спорта, двенадцатилетняя Юля мечтала о мастере, но на тренировке упала и ушибла спину. То есть, это ей так сказали, что ушибла, на самом деле травма позвоночника была серьёзная.

Юля не унывала: это ведь временно. Прыгать и бегать, сказали, будет нельзя, но это мы ещё посмотрим. А ходить, сказали, будет можно, когда врач разрешит. Люба из солидарности, как выразилась мама, в том же году сломала руки. Обе. «И как ты умудрилась... Нарочно, что ли, упала?» – только и сказала мама.

Врач удивилась: «Какая гимнастика, о чём вы говорите?! Там же прыжки, кувырки, брусья, там руки сильные нужны, а у неё кости слабые и нехватка кальция катастрофическая!».

– Они у нас витаминные комплексы пьют, мы за этим строго следим. Девочки получают всё необходимое...

– Так у вас и вторая есть? Двойняшки, говорите? Неплохо бы второго ребёнка проверить, у двойняшек ведь всё одинаково, если у одной острый дефицит кальция, то и у другой. Так когда вы её приведёте? Записываю вас на среду.

Узнав, что Юлю к ней не приведут, поскольку она повредила позвоночник и ходить ей пока нельзя, врач замолчала. И враз утратив приветливость и благодушие, отчеканила:

– Витамины ей не помогут, кальций внутривенно, и никакой гимнастики. И кормить ребенка надо как следует, она у вас недокормленная, и ростом маловата, и месячные давно должны начаться, а их нет, от ограничений в еде и от нагрузок. Вы её зачем рожали-то? Для гимнастики? Или чтобы счастливая росла?

– Так она счастливая, и занимается с удовольствием, с двух лет, сама захотела, никто не заставлял.

– Это она вам сказала? В два года?

Из кабинета врача Любина-Юлина мама вышла с пылающими щеками. Она не сказала врачу о том, что пичкала девочек фуросемидом, как рекомендовала тренерша, выгоняя воду и добиваясь «сухого» тела. Вместе с водой из организма уходили калий, магний, кальций... Уходила жизнь.

– Внутривенно так внутривенно, полежишь под капельницей, это не больно, всё пройдёт-заживёт, косточки крепкими будут, и будешь ты у меня чемпионкой, – сказала Любе мама.

Позитивно

Новым ударом стало родительское собрание в школе. Юлина-Любина классная руководительница не придумала ничего лучшего, как зачитать вслух несколько сочинений на тему «Что я хочу получить в подарок к окончанию учебного года». В сочинении было условие: сто слов (предлоги и союзы не считаются) с обязательным аргументированием: почему и для чего я хочу это иметь (дети должны научиться аргументировать).

Сто слов – о желаниях, которые почти совпадали: кто мечтал о мопеде, кто о собаке, о роликовых коньках, о поездке к морю, о сестрёнке или братишке...

Люба уложились в шестьдесят. Её сочинение, с безукоризненно расставленными запятыми, прозвучало диссонансно, как выстрел на детской площадке. Родители недоумённо переглядывались. В классе установилась нехорошая тишина.

«Что я хочу, чтобы мне подарили.

Сочинение ученицы 6 класса «В» Соболь Любы.

Я не знаю, что я хочу, чтобы мне подарили. У нас всё есть, нам родители покупают всё самое полезное, и не поспоришь, с мамой это бесполезно. А велосипед всё равно не купят, потому что мне падать нельзя, пока руки не заживут, и Юльке тоже нельзя, поэтому. Мама говорит, ботинки брэндовые купит, и джинсы «бэйсик», мне и Юльке, и на юг поедем. Джинсы у нас есть. Купили б лучшие докторской колбаски. И картошки на сале нажарили, как сами едят».

Юлина-Любина мама от дочкиного сочинения испытала острое желание провалиться сквозь землю, хоть в ад, всё равно. На неё смотрел весь класс. То есть, все родители. Дома она разберётся с обеими, о чём можно писать и о чём нельзя. А пока разбираться будут с ней...

Лето проходило позитивно, как выразился Любин-Юлин папа. На юг они, разумеется, не поехали, куда с костылями на юг, картошку в доме больше не жарили, в остальном всё было по-прежнему. Режим, горячие ванны и фуросемид. Для Юли врач прописал особые упражнения, сидя. А папа прописал гантели, руки-то у тебя не болят, а то форму потеряешь, мастера не получишь. Гантели Юле купили новые, со съёмными дисками, красивые, чтобы приятно было в руки взять. Юля ухватилась за них как за соломинку: Соболь-старший знал, чем поднять дочке настроение. Лишь бы не плакала.

Любе можно приседания, руки в гипсе, но ноги-то здоровые. Триста ты не сделаешь, делай хотя бы сто.

Упражнения дарили уверенность, помогли чувствовать себя здоровыми и сильными, капельница тоже помогала и дарила «катастрофически» нужный кальций. Кости срастались хорошо, и в августе гипс сняли. Юля не отставала от сестры, через два месяца с возмущением отказалась от костылей, и их отнесли обратно в поликлинику.

Рентгеновские снимки показали, что обе девочки здоровы, Любина-Юлина мама воспрянула духом, но с гимнастикой было непонятно, тренерша пожимала плечами и не говорила ни да ни нет. В сентябре «соболят» отдали в музыкальную школу, чтобы не болтались по двору и не связались с плохой компанией. Двойняшки выбрали класс гитары, и уже через год играли так, что соседи приходили послушать.

С гимнастикой, о которой обе вспоминали с нежностью и сожалением, было покончено. В институт бизнеса и дизайна двойняшки поступили вместе, и в поход пришли вместе, вычитали в интернете, что есть такие походы, выбрали маршрут с красивым названием «Донино – Синие озёра» и попали в группу Георгия Гордеева, или, как они себя называли, в гордеевскую гвардию.

Группа обеим понравилась: доброжелательная и нескучная. Понравился маршрут, легко проходимый и постоянный, и чай на привале – настоящий, костровой, с веточками брусники,

и с Надиными пирожками. Пирожки это страшные калории, да ещё слоёные, да с яблочным сладким повидлом. Но двадцать пять километров тоже ведь – не по аллейке погулять.

На пирожки Юля с Любой набросились, по выражению Виталика, как два оголодавших волка. Над «волками» смеялись долго, Виталик иногда выдавал вот такое, над чем хотелось смеяться, и никому не было обидно.

Соболята ждали традиционного «Вас дома не кормят, что ли?», но ничего такого не услышали, пирожки быстро расхватили, и довольная Надя сообщила, что в следующий раз испечёт больше. Девчонкам сразу захотелось с ней дружить: рыженькая, пухленькая, симпатичная. И улыбка солнечная. Рассказывать «солнышку» о том, что дома культивировалось здоровое питание, без колбасных вредных изделий, без мучного, солёного, жирного, сладкого, и уж тем более без рогаликов с повидлом, двойняшки не стали. Как и дома не рискнули поделиться рецептом, который им радостно выболтала Надя.

– Юль, а давай в следующий раз с ними пойдём? Пирогов наедемся опять, Надя обещала с маком испечь. А мы гитары возьмём.

– А давай! И купальники, купаться будем в Синем озере!

Когда Надя позвонила им по поручению Гордеева и сообщила, что в Клубе он больше не состоит, походы будут необъявленными, для своих, – Юля с Любой обрадовались. Им звонят, приглашают, значит, они тоже свои.

Часть 6

Галя

В октябре в группу пришла Галя Винник.

– Я к вам давно собиралась, меня Надя звала, а я как-то боялась.

– А чего нас бояться? Мы людей не едим, мы суп из тушенки варим, – выдал Виталик. –
Будешь с нами ходить, будут ноги спортивные.

Ноги у Гали были сильными, и на лыжах, сказала, ходит хорошо. И пела тоже хорошо – неожиданно сильным, красивым голосом. Юля и Люба ей аккомпанировали, у них это получалось профессионально. Гитарный дуэт звучал потрясающе.

«Робко по полям от взглядов хоронится, ломится в дверь

Наша неприкаянная любовь – раненый зверь.

Сотни тысяч лет нам мыкать поровну, мне и тебе,

Всё что не склевали злые вороны в нашей судьбе.

Сотни тысяч лет нам ждать возничего, и с окриком «слазь!»

С сердцем богача, с сумою нищего плюхнуться в грязь...»

По просьбе группы Юля с Любой сыграли кавер «Скрипки-лисы». Музыка взлетала над костром яркими искрами, поднималась в небо, и хотелось, чтобы вечер продолжался вечно, и музыка продолжалась.

– Галя, а спой ещё!

Трио переглядывалось, девчонки-гитаристки ловили мелодию слёту, и снова у всех замирало сердце от музыки и от слов:

«Так продолжаться бы должно

Не день, не два, хотя бы вечность.

Но всё давно предрешено,

Нам не понять на небе млечность

Осенним днём...

Небесный холод на двоих

Всегда делим и осязаем,

Прощайся с морем, ветер стих,

Молчит прибой и замерзает

Осенним днём...»

Галя была выносливой и не уставала, когда Юля и Люба переставали смеяться и шутить. Их троих прозвали русалками-мавками, но к Гале, с её крепкими плечами, «не женскими» руками и мощными грудными мускулами, комплимент не относился. Она стеснялась себя такой, купалась в закрытом купальнике, чтобы не видели её по-мужски накачанного пресса. Юля с Любой тоненькие, гибкие, у них красивое тело, им любые купальники можно носить. А она дочка боксёра, и этим всё сказано.

Галина мама любила повторять: «Всехние-то родители деньжищи платят за секции, а тебя отец бесплатно тренирует». Матери, с её «всехние», «надоть» и «куда не то», Галя стыдилась, а отца обожала. В восемь лет у неё был поставлен удар, отец гордился её успехами, но в секцию не отдавал, учил дома. Незачем девочке этим профессионально заниматься, бокс не женский спорт. А уметь надо. В жизни надо уметь держать удар.

Джеб – прямой удар в голову или корпус, свободный кулак при этом прикрывает лицо, а локоть прикрывает солнечное сплетение. Для джеба нужны сильные руки, нужна сила удара. А она девочка, будущая женщина, её оружие не сила рук, а изворотливость и хитрость.

Джеб Галя применяла редко, отдавая предпочтение кроссу. Кросс – это максимальная точность удара и безопасность, так как из кросса проще вернуться в защитное положение. Отрабатывая хук (удар согнутой рукой без замаха), Галя помнила слова отца о том, что раскрываться во время нанесения удара нельзя: получишь ответный удар от соперника. Слова подкреплялись примерами, и усваивались крепко и сразу. Иначе нельзя.

Свинг, когда рука, описав большой радиус, «приземляется» в голову противнику, Гале не нравился: на замах надо время, за это время противник может нанести удар. Галя осторожничала, уходила в защиту, отец сердился. И тогда она нападала – красиво, изящно, неожиданно. По-женски.

Зато апперкот – удар снизу, между руками противника, когда тот попросту забывает сомкнуть локти в клинче – девочка выполняла мастерски. Отец научил её классическому варианту апперкота, когда удар проводится передней рукой вместе с закручиванием плеча. Но пользу апперкот приносит только в ближнем бою, и довольно опасен для наносящего удар, так как на несколько секунд боксёр остается без защиты.

Галю это не смущало: драться она ни с кем не собиралась. Ей не очень-то нравился бокс, от которого долго не проходили синяки и ссадины, но нравилось восхищение отца, а отцу нравились её мускулы, крепкие, длинные, растянутые, нравилась быстрота реакции и азарт, с которым она бросалась в атаку. Он был спокоен за дочь: никто девчонку не обидит, она сумеет за себя постоять.

Отца Галя уважала, а к матери относилась без уважения, за её словечки. Возить у неё – вандырить, варить у неё – мырлять, кость – мость, а лицо так и вовсе сквожа. Ляпнет на родительском собрании, что у неё сквожа краснеет за дочь (в Галином дневнике одни тройки, четвёрка редкий гость). И всё. В школу можно не приходиться...

Зинаида Антоновна родом из Суздаля, и слова у неё диалектные, но в классе не станут слушать Галиных объяснений, прозовут сквожей.

Она вцеплялась в мать клещом:

– Опять твои словечки? Переведи на русский.

– Дочь, остынь. Нельзя так с матерью.

– Да? А ей со мной можно?

Родителей не выбирают, но надо же так не повезти, с обоими...

Галя только усмехалась, слушая, как соседка жалуется матери на своего мужа: сына не видит в упор, даже дневник не проверяет. Вот бы Гале такого отца! Играла бы с девчонками в вышибалы, и прыгала в классики, и шепталась про мальчиков. А ещё ей хотелось учиться петь, у неё был красивый голос, «поставленный» от рождения. В группе Гордеева она нашла

слушателей, и нельзя было сказать, кому повезло больше – слушателям, Гале или двойняшкам, которые играли на своих гитарах как настоящие музыканты.

Впрочем, они играли только у костра, и ни в каких концертах выступать не соглашались.

– Вам бы в консерватории учиться! – говорила Наталья.

– А мы и так уже учимся, в институте бизнеса, не можем же мы одновременно... – отвечали девчонки. – А что, плохо играем? Ещё учиться надо? Давайте мы вам Вила-Лобоса сыграем, бразильскую бахиану номер пять.

Ну что ты с ними будешь делать!

Слёзы

От бразильской бахианы глаза застилала слёзы, хотелось не плакать, а просто волком выть. Могла бы в консерватории учиться, на вокальном отделении. А вместо этого – институт физической культуры и спорта, как хотел отец. Вот и поступал бы сам, и учился бы, а от неё отстал!

Когда отца не стало, Галя корила себя за эти слова и занималась каждый день, отрабатывая удары и испытывая странное наслаждение усталостью. Ей казалось, отец видит её старания и одобряет, откуда-то издалека, где он теперь живёт. И ему хорошо.

Всю неделю она сдавала зачёты, вчера сдала последний, и на радостях вечером вдохновенно мутузила боксёрскую грушу, под любимую «Pulse of Life», а утром вскочила чуть свет и отправилась с Гордеевым в поход. Зря она вчера столько занималась, и в поход зря пошла: тело ныло и просило отдыха, а до привала ещё далеко, и воздух уже не кажется волшебным, а шутки не кажутся шутками, а кажутся насмешками.

Гордей мог бы объявить остановку, на пять минут, чайно-туалетную, как шутили в группе. Но он не объявлял, а все шли как ни в чём не бывало, перебрасываясь шутками: «В следующий поход всем прийти в памперсах, чтобы не терять время на санитарные остановки» Смеялись все, кроме Гали. Хоть бы кто-нибудь спросил, почему она сегодня отстаёт, почему не смеётся вместе со всеми. Но никто не спрашивал.

– Вставай, выходим, свисток уже был – сказали Гале и ушли. И никто не заметил, что она осталась сидеть...

Сообразив, что осталась одна в лесу, Галя испуганно вскочила с бревна, на котором так хорошо сидеть, и тепло от солнышка. Ничего, она догонит, группа по дороге идёт, а дорога прямая... И она бы догнала, добежала, но как назло увидела опята, много, целое дерево. Какая удача!

Галя сбросила с плеч рюкзак, достала полиэтиленовую сумку, подумала, достала вторую и вложила одну в одну. Теперь не порвётся, донесёт. Мама обрадуется, с картошкой нажарит.

С мамой она вчера поспорилась по всем статьям и всерьёз пригрозила, что уйдёт из дома. Сколько можно терпеть?

– Да иди нах, кто мешает-то? Раз тебе мать терпеть приходится. Иди куда хочешь, живи с кем хочешь, там тебе рады будут, и терпеть никого не надо. – Мать пересыпала речь бесконечными «нах» и прочими наречиями и прилагательными из разряда устный русский. Так воспитали, что поделаешь. Отец дома никогда не матерился, а она...

Галя запоздало сообразила, что идти ей не к кому. К Наде Рыбальченко – смешно, будут с матерью у лифта встречаться каждый день... Машка Тартынская ей, конечно, обрадуется, но не обрадуется, если Галя у неё зависнет надолго. Да и родители Машкины не обрадуются.

Но – если взялся за гуж, не говори, что не дюж. Галя изобразила решительность, собрала рюкзак (о походе матери знать не обязательно, пусть думает, что она на самом деле уходит из дома), утром поднялась чуть свет и оставила на столе записку: «Я ушла. Галя».

Зря она так с матерью. Ну, поругались, они всё время ругаются, по-другому не получается. За день с матери сойдёт, а вечером Галя приедет с грибами, и будут чистить до полночи, и с картошкой навернут... Надо ей с вокзала позвонить, чтобы картошки начистила.

Грибы она срывала наспех и кидала в пакет, и поминутно выбегала на дорогу посмотреть, далеко ли ушла группа. Далек. Дорога прямая, куда они денутся? Ей что-то кричали, махали руками. Далек. У Гали сильные ноги, догнать группу ей не составит труда, даже с тяжёлым пакетом. Она сильная, добежит. Пожалуй, можно не спешить и собрать все грибы. Вон ещё одно дерево, и как его никто не заметил?..

Когда она выбралась на дорогу, то никого не увидела. Значит, свернули, значит, впереди поворот. Или развилка, это хуже. Пакет с опятами бил по ногам, оттягивал руки, а бросить нельзя, жалко! Галя добежала до развилки и не раздумывая выбрала широкую тропу со следами чьих-то сапог. Кто у них в сапогах? Вроде все в ботинках и кроссовках... Гордеев! Это его следы. А на другой, узенькой тропинке даже трава не примята, никто по ней, понятное дело, не шёл.

Галя помчалась по дороге, которая виляла как змея, туда-сюда, потому и не видно никого. Она уже устала бежать. «Тэо! Тэо!» – звала Галя. Туристы не кричат «ау», они кричат «тэо». Такой вот опознавательный сигнал для своих. Но никто не отозвался.

Впереди никого нет, группа свернула на боковую тропинку, сообразила Галя. А трава не примята потому, что место сырое, топкое, а трава не трава, а осока болотная. Они что, по болоту пошли?!

Галя развернулась и побежала обратно, тяжело дыша и не сбавляя скорости: она отстала, так можно потеряться, а компаса у неё нет. Она обязательно купит компас, когда выберется отсюда... Если выберется. Места здесь глухие, безлюдные, ближе к Синеозеру начнутся дачи, но до станции ещё далеко, Галя сейчас где-то посередине, между двумя железными дорогами, Казанской и Курской. Здесь не слышно ничьих голосов, воздух пахнет болотом, остролистая осока шуршит под ветром, которого вовсе нет, тогда отчего она шуршит?

Галя испытала суеверный ужас. Был бы компас! Но компаса у неё нет, есть только ноги, быстрые, сильные. Выведут куда не то, сказала бы мама, суздалянка, там все так говорят, и ничего смешного. Она больше никогда не станет смеяться над маминым говором, честное слово! И ссориться с ней никогда не будет.

Боковая тропинка, по которой где-то впереди двигалась группа, размокла от недавнего дождя, Галя два раза упала, измызгалась как чёртушка, сказала бы мама (скажет вечером) и перешла на шаг. Поплутав по сырому мрачному лесу, тропинка вывела к оврагу. Цепляясь за кусты, Галя резво скатилась вниз, вскарабкалась наверх и... где же тропинка? Их много, во все стороны разбегаются, и палки торчат... Вешки! Кто-то дорогу разметил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.